

Содержание

БОЕВАЯ ЭЛИТА ИМПЕРИИ.	5
Книга первая	9
Книга вторая	80
Книга третья	157
ХОЛОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ВОЙНЫ	205
БОЕЦ ХОЛОДНОЙ ФИНАНСОВОЙ ВОЙНЫ . . .	351

Боевая элита Империи

*Посвящается Роберту Баку Коулсону,
чья песня «Напоминание» вдохновила меня на эту книгу.*

* КНИГА ПЕРВАЯ *

Глава первая

Я проснулся. Рефлекторно, как только ко мне вернулось сознание, я пошарил рукой, ища оружие. Оружие было на месте: я чувствовал его в темноте — часть на поясе, часть на панели над головой. Я позволил себе расслабиться, поднимаясь на новые уровни подсознания. Мое оружие при мне, я жив, я тзен, я служу Империи, меня зовут Рахм.

Меня вовсе не удивил тот факт, что, осознав себя, я прежде подумал о службе, нежели вспомнил собственное имя. Это в натуре всех тзенов — прежде думать о роде и об Империи, а потом уже о себе самом. Тем более это относится к нам — касте Воинов. Мне доводилось слышать теории — разумеется, неофициальные, — что представители других каст, особенно Ученые, ставят личность превыше рода, но я не верю в подобную чепуху. Тзен есть тзен.

Я попробовал напрячь конечности. Тело функционировало нормально. Я был готов к бою. Однако снаружи было тихо: не выла сирена тревоги, не слышалось звуков битвы. Тем не менее я весь подобрался, когда нажал хвостом на запирающий механизм моей полки. Дверца чуть скользнула вниз, и я прильнул к образовавшейся щели, оглядывая пространство.

В отсеке царил полумрак, почти как при луне. Воздух был теплый — не горячий, а именно теплый и влажный, — точь-в-точь ночь на Черных Болотах. Вот оно что. Нас разбудили не для релаксации и не для приема пищи. Нас подняли для охоты. Мы готовились к бою.

Без дальнейших раздумий я сдвинул дверь до упора и начал спускаться с полки, но остановился. По проходу шел другой тзен,

и я столкнулся бы с ним. Выждав, пока он наверняка пройдет, я спустился на пол и пристегнул оружие к поясу.

То, что я был выше рангом, не имело значения: в этой ситуации право было на его стороне. Меня остановила даже не вежливость, а элементарная логика. Проход чересчур узок для двоих, а он спустился в него первым.

Мы не поздоровались и даже не кивнули друг другу, когда он проходил мимо, только хвост его слегка задел пол, издав короткий скрежещущий звук. Его без труда можно было узнать в полумраке по трехметровому, огромному даже для Воина, росту. Это был Зур, мой заместитель в предстоящей кампании. Я уважал его за его таланты, он уважал меня за мои. Я не пожелал ему удачи и не стал давать последние наставления. В этом не было нужды. Он — тзен.

Как и другие пилоты моей эскадрильи, он показал себя на учениях превосходным бойцом, и у меня не было оснований опасаться, что они подведут меня в настоящем сражении. Если же он или кто-то другой струсит, запаникует и это поставит под угрозу мою жизнь или исход операции, я сам убью его.

Теперь проход был свободен, и я двинулся по нему к точке пересечения переборки со спальными полками с гибкой плексистальной стеной, отгораживавшей реакторный отсек. В данный момент я был благодарен судьбе за то, что я офицер. Флаеры командиров эскадрилий помещались в нижнем ряду, почти у самого пола, так что мне было не нужно карабкаться вверх по изогнутой стене. Не то что мне так уж не нравятся подобные упражнения, просто уже в самом начале тренировок выяснилось, что я неважно переношу высоту. Это никак не проявляется во время полета, просто мне не доставляет особого удовольствия неподвижно висеть между небом и землей.

Я не стал тратить время на проверку готовности флаера. Это забота Техников. Я умею управлять флаером и устранять мелкие неполадки, но сами машины — это дело Техников, как мое дело — война. Даже если они и допустили какой недосмотр, я все равно не смогу его обнаружить.

Вместо этого я занялся оружием. Этого не способен сделать ни один Техник. Я не хочу сказать, что они ничего не смыслят в войне. Они тзены, а каждый тзен из любой касты в открытом поединке куда более достойный противник, чем любое другое

разумное существо во Вселенной. Но я Воин из касты Воинов, боевой элиты Империи, и должен сам заботиться о своем оружии.

По правде говоря, оно вряд ли понадобится мне в предстоящей операции, но я привык иметь его под рукой. Это греет мне душу. Как многие другие Воины, я еще не вполне привык к этим сверхсовременным штучкам, в таком изобилии появившимся в последнее время. Технический прогресс обрушился на нас подобно лавине, и традиционное ручное оружие для меня что-то вроде спасительной соломинки. Оно связывает меня с нашим прошлым, напоминает о Черных Болотах. Даже Верховное командование не возражает, когда пилоты, отправляясь на боевое задание, берут с собой ручное оружие. Командование только ограничило вес личного багажа, который Воин может взять с собой в полет. Никто не смеет встать между тзенем и его оружием. В том числе другой тзен.

Удовлетворившись результатом осмотра, я забрался в машину и поудобней устроился в плавающем кресле. С тихим вздохом задвинулась дверца. Я ждал, когда на приборной панели загорится сигнальная лампочка и погаснут огни в отсеке. Это будет означать, что легион готов начать операцию.

В отличие от колониальных кораблей транспорт, в котором мы сейчас находились, выглядел абсолютно пустым и безжизненным. Здесь нет места ничему, что не является жизненно необходимым для нашей задачи. Но из-за этого не на чем остановить взгляд, сосредоточить внимание в последние минуты перед стартом. Так что мысли против моей воли обратились к предстоящей операции. Против моей воли вовсе не означало, что во мне слаб боевой дух или что я боюсь за свою жизнь. Ведь я тзен. Однако мне не нравится сама идея геноцида.

Наконец обе стены — та, на которой был закреплен мой флаер, и та, что напротив, — завибрировали и стали менять очертания. Операция началась. Стены медленно выпрямлялись, превращая перечеркнутую параболу отсека в узкий и длинный равнобедренный треугольник. Теперь флаеры на моей стороне почти совместились с флаерами противоположной стены, выстроившись в строгом шахматном порядке. Мы уподобились взведенным бомбам, готовым в любую минуту обрушиться на голову неприятеля.

Заканчивая приготовления, мы знали, что в это время точно так же выпрямляются стены в соседних отсеках и освобожденное нами пространство заполняется рядами других флаеров. Ни сантиметр поверхности на корабле не пропадает впустую.

Пол подо мной разверзся. Мой флаер был нижним в ряду, и ничто не заслоняло обзор. Я ощутил легкое головокружение, заглянув в зияющую подо мной мрачную бездну. Да, все-таки мы, тзены, не воздушные твари.

Затем я почувствовал, что лечу вниз. Я не ощутил никакого толчка или рывка, когда корабль сбросил нас, просто неожиданно начал падать. И, хотя я стараюсь не заострять внимание на собственных ощущениях, должен заметить, что чувство было не из приятных.

Как нас и предупреждали на совещаниях, вторжение началось ночью. Это было тактически верно, поскольку противник наш из разряда дневных охотников, тзенам же более свойственна ночная активность. И внезапная ночная атака сразу давала нам огромное преимущество. Однако поверхность планеты, к которой мы столь стремительно приближались, была погружена во мрак, надежно скрывавший все живое.

Встречные потоки воздуха швыряли из стороны в сторону мой флаер, но это не вызывало у меня беспокойства. Штурман корабля, несомненно, учел этот фактор, так же как и атмосферное давление, и метеорологические условия. Пилоты и штурманы — знатоки своего дела и обучены не хуже нас.

Диск управления под моими ногами издал тихий звон. Это означало, что я вошел в зону действия одного из энергоисточников, которые корабли-разведчики сбросили заранее, и тем не менее я продолжал падать. Теперь я уже мог различить поверхность внизу. Далеко-далеко слева сверкала широкая водная гладь, прямо подо мной поднимался какой-то горный хребет, справа же простирался бескрайний лес. Несомненно, планета в высшей степени пригодна для жизни. Неудивительно, что враг решил поселиться здесь и что мы собираемся отнять у него планету.

Диск управления звенел все громче, но я все еще падал. На мгновение у меня мелькнула мысль, что отказал автопилот, однако я тут же отбросил ее. Программы настолько надежны, что серьезного сбоя быть не может, а потому оснований для волнения нет.

Именно в это мгновение, словно бы в подтверждение моих мыслей, включился автопилот, отреагировав на стремительно приближавшуюся землю. С легким треском раскрылись огромные, как у летучей мыши, крылья из плексистали, до этого момента сложенные и прижатые к бокам машины. Поймав мощный поток воздуха, флаер дернулся и плавно заскользил в свободном парении. Внезапное торможение глубоко вдавило меня в упругий гель сиденья. Я даже прикрыл глаза.

Резкий нажим обеими ногами на диск — и флаер вышел из автоматического режима, переключившись на ручное управление. Несколько секунд он продолжал скользить вперед по наклонной, затем я остановил машину, удерживая ее в одной точке манипуляциями с диском управления. Это требовало большого искусства, но мы так долго тренировались, что выполняли необходимые действия не задумываясь. Машина была как бы частью моего тела и требовала не больше умственных усилий, чем движение, скажем, руки или ноги. Флаер — просто высокотехнологичное средство передвижения, и ничего более. Мысли должны быть целиком сосредоточены на операции, на противнике.

Я воспользовался паузой, чтобы осмотреться, используя как собственное зрение, так и ультразвуковой локатор. Я не большой поклонник локаторов, но должен признать, что на флаерах они просто необходимы. Ведь мы летаем на таких скоростях, что порой нашего природного ночного зрения просто недостаточно, чтобы вовремя среагировать на приближающееся препятствие.

Мой флаер висел над долиной реки. Двигатели вертикальной тяги легко удерживали машину в воздухе. Впереди и справа темнел бескрайний лес, который я заметил еще с высоты. Да, штурман, сбросивший нас, все рассчитал превосходно.

— Докладываю готовность, Рахм.

Это Зур подал мне телепатический сигнал. Я даже не обернулся. В этом не было нужды. Зур сказал мне все, что я должен был знать: эскадрилья построилась в боевой порядок, зависнув над долиной, — каждый флаер на своем месте в каре, все готовы ринуться в бой.

Я телепатировал свой приказ подразделению:

— Пуск двигателей по моей команде. Приготовиться... Три... Два... Один!

Я вдавил в пол диск управления, физически ощутив прокатившуюся по машине волну энергии, когда включился маршевый двигатель. Ни рева, ни даже легкого шелеста не раздалось при этом. Вот оно, преимущество новой системы. Искровые двигатели работают совершенно бесшумно, придавая дополнительное преимущество нашей излюбленной тактике внезапного броска. Существа, изобретшие эти двигатели, использовали их в бесшумных подъемниках и на заводах. Мы, Воины, нашли им иное применение.

Эскадрилья устремилась вперед, во мрак — в первую атаку новой войны.

Глава вторая

Сквозь мрак мы смутно различали силуэты машин других эскадрилий, следовавших параллельным курсом. За нами шли еще четыре волны флаеров дивизиона. Сотня звеньев, шесть сотен наших машин против нескольких сотен тысяч врагов. И все-таки мы не беспокоились за исход операции. Наши флаеры давали нам неоспоримое преимущество в скорости и маневренности. Пушки, установленные на них, практически не оставляли противнику шансов остаться в живых. С такими машинами и вооружением победа наверняка будет за нами, несмотря на перевес в численности противника. История наших войн подтверждает мою уверенность. К тому же мы тзены. А врожденные и натренированные боевые рефлексy тзена всегда одержат верх над слепым инстинктом насекомых. Мы выиграем эту войну. Мы выиграем ее, потому что обязаны выиграть.

Мы подлетали к кромке леса, не сворачивая и стараясь держаться как можно ниже. Флаеры моего звена летели пока еще не к какой-то определенной цели. Громадные деревья преградили нам путь. Мощные стволы около десяти метров в диаметре устремлялись ввысь, а гигантские кроны скрывались где-то высоко во тьме. Заданный квадрат был уже близко. Если штурман не ошибся в расчетах, если пилоты всех эскадрилий не отклонились от курса и заданной скорости, то атака должна начаться одновременно во всех квадратах, входящих в боевую задачу дивизиона, секунда в секунду с началом боевых действий на всей пла-

нете. Теоретически это помешает противнику сосредоточиться для контратаки.

Я видел черные кучи гнезд в высоких кронах, когда мы бесшумно пролетали между стволами. Я всматривался во тьму, пытаюсь разглядеть противника, но не мог различить ничего, кроме каких-то размытых, меняющих очертания клякс. Враги спали, тесно сбившись в огромные, неправильной формы шары, даже не подозревая, что тени смерти скользят под ними, что враг вторгся в их цитадель. В этом не было ничего удивительного. Они и их союзники безраздельно властвовали во Вселенной миллион лет. Нам, тзенам, пришлось приложить немало усилий, чтобы спрятаться от их глаз, утаить сам факт своего существования и тем более развития — до того момента, когда мы наконец подготовимся к схватке. Но теперь мы готовы к ней, и враги узнают о нас, если, конечно, кто-нибудь из них уцелеет.

И все же мне очень хотелось рассмотреть их получше. Я никак не мог представить себе осоподобное существо с почти десятиметровым размахом крыльев. Разумеется, мне доводилось видеть рисунки и трехмерные проекции, однако лучше увидеть врага своими глазами.

Я был уверен в себе, и все же меня терзало какое-то смутное беспокойство. Я бы предпочел впервые схватиться с противником на твердой поверхности, а еще лучше — на болоте, где вода перемежается с островками суши. Это была наша родная стихия. Вести же бой в воздухе, да еще с крылатыми существами... Что ни говори, мы не рождены, чтобы летать, сколько ни упражняйся с флаерами. Я надеялся, что исход первого боя решит не способность лучше летать, а другие факторы.

Нет, я не сомневался в правильности стратегии, выбранной Верховным командованием. Это равносильно самоубийству — воевать на земле, когда противник еще сохраняет преимущество в воздухе. Просто мне было не по себе.

Флаер тряхнуло: что-то врезалось в машину столь внезапно, что я не успел сманеврировать. Тварь прилипла к прозрачному фонарю кабины, царапая его поверхность и явно пытаясь проникнуть внутрь. Боковым зрением я видел бесновавшееся почти над моей головой существо, и мне с трудом удалось сконцентрироваться и смотреть вперед, чтобы не врезаться в дерево. Я мельком успел разглядеть вытарашившиеся на меня фасеточные,

с каким-то металлическим блеском глаза и скрежещущие по прозрачному пузырю кабины огромные челюсти, потом я резко накренил флаер, и существо пропало. Сзади раздался негромкий хлопок, словно выпустили сжатый воздух, — это Зур прикончил нападавшего. Я скосил глаз на фонарь кабины: на том месте, где только что был противник, виднелись глубокие царапины и пятна от разевшей поверхность слюны.

Я был доволен. Мгновенная стычка встряхнула меня и обострила реакции лучше любого психологического тренинга. Кровь забурлила в жилах, тело повиновалось быстрее, экономя столь драгоценные доли секунд. Теперь не нужно тратить на это первые минуты боя, я вступал в него уже готовым к кровавой схватке, с хорошо контролируемым азартом. И тут впервые за последнее время в моей душе забрезжила смутная надежда выбраться из этой переделки живым.

Мы вошли в свой квадрат. По моей команде звено растянуло строй, увеличив дистанцию между машинами. Затем так же, строем, мы сделали заход над деревьями — и Война с насекомыми началась.

События, как это нередко бывает в сражении, начали развиваться настолько стремительно, что мысль не успевала за действиями. Мы так долго тренировались с флаерами и пушками, что они стали как бы частью нас самих, и мы не задумывались, что нужно сделать в следующую секунду, как не задумывались над движениями собственного тела. Наши мысли и чувства были сосредоточены на противнике.

Затем все смешалось, слилось в калейдоскопе мгновенных картин и обрывков отработанных до автоматизма инструкций.

Старайтесь применять только холодные лучи... они менее эффективны, чем горячие, но вызывают меньше повреждений лесного массива... когда-нибудь мы переселимся на эту планету... Рой прямо по курсу... прожечь проход... не отклоняться от заданного курса больше чем на пять градусов... захватить три гнезда широким лучом... при большем отклонении попадешь в сектор огня соседнего флаера... поворот на девяносто градусов... разворот вправо, только вправо... справа по курсу машина Кор... не позволяй ей развернуться влево... обойти ствол и сжечь гнезда, мощность луча максимальная... Противник на правом крыле... сделать бочку... сжечь гнезда... не отклоняться от заданного курса...

Мы выметали квадрат, как метлой, передвигаясь рваным зигзагом. Строгий геометрический рисунок был бы проще и эффективней, но он опасен своей предсказуемостью. Уже на третьем заходе противнику останется только сгруппироваться и поджидать нас в вычисленной точке. А потому мы летели по ломаной, прихотливой линии, вновь и вновь пересекая свою же траекторию, прожигая путь сквозь рои преследующих нас врагов.

Разворот вправо... сжечь гнезда... только холодные лучи...

Мы играли со смертью. Наши флаеры способны легко отрываться от медлительных противников, но на больших скоростях приходится отвлекаться на маневрирование, чтобы не врезаться в дерево, — а это чревато опасностью пропустить гнездо. На слишком низкой скорости противник может перехватить тебя. А потому мы то рывком бросали машину вперед, то делали бочку, чтобы стряхнуть противника, своей тяжестью способного увлечь флаер на землю.

...Обойти дерево... прожечь рой... вираж вправо... сжечь гнезда... сделать бочку...

Какое-то смутное, неприятное предчувствие не давало мне покоя. Все шло чересчур гладко. Все мои бойцы выходили на связь, а на развороте я видел звено в полном составе. Мы не потеряли пока ни одной машины. Ни одного Воина. Если и в других дивизионах то же самое, то нам не избежать проблем.

...Не отклоняться... бочка... разворот вправо... сжечь гнезда...

Мы завершали очистку квадрата. Но меня слегка беспокоила северная сторона. Зоны действия частично накладывались друг на друга, чтобы не оставалось карманов, где мог уцелеть враг. Для этого нужна особая слаженность действий, ведь звенья могли случайно столкнуться. Такая схема требовала дополнительных усилий, зато была эффективной. Тем не менее в нашем случае что-то было не так, как надо. С северной стороны никого, кроме нас, не было, а, разворачивая машины для очередного захода, мы видели нетронутые гнезда за пределами нашей зоны.

Да, что-то неладно в северном квадрате. Решение следовало принять безотлагательно. Я недолго мучился сомнениями, поскольку в подобной ситуации возможен только один выход. Мы не могли рисковать, оставив хотя бы одно гнездо. Это война на полное уничтожение. Иначе через какое-то время нам придется

вернуться, чтобы повторить все сначала. Только тогда противник будет уже начеку. Этого допустить нельзя.

Когда мы закончили, я дал команду вернуться к северной границе. Без сомнения, приказ вызвал некоторое удивление, однако мои пилоты — тзены и подчинились беспрекословно, развернув свои флаеры влево. Сейчас разворот влево был безопасен. Не нужно думать о Кор, если готовишься к новой атаке.

Бой был жестокий, как и следовало ожидать: нам не хватило времени, чтобы согласовать действия, так что оставался единственный вариант — правильный геометрический рисунок полета. А геометрически правильные рисунки, как я уже говорил, таят в себе самоубийственную опасность.

Нам уже приходилось вести огонь не столько по гнездам, сколько по живому противнику, когда я услышал долгожданный сигнал. Входя в чужой квадрат, мы включили сигнал оповещения, сообщая соседнему звену о своем присутствии. И наконец получили ответ:

— Сигнал приняла, — услышал я. — Благодарю за помощь, операцию завершу своими силами. Можете возвращаться в пункт встречи.

Я обратил внимание на то, что пилот говорит о себе в единственном числе.

— Сообщите потери, — запросил я.

— Уничтожены пять флаеров. Моя машина повреждена. Стыковка с транспортом невозможна. Тем не менее операцию завершу сама. Можете возвращаться в точку встречи.

Я было усомнился, что она действительно справится в одиночку там, где нам вшестером приходилось несладко, но я тут же забыл об этом. Она тзен. И если она утверждает, что справится, значит, справится.

— Возвращаемся в точку встречи! — Я резко послал машину вверх, выводя ее из-под деревьев в свободное пространство. Я вдруг с беспокойством вспомнил о Кор, однако мои опасения оказались напрасными. Когда мы поднялись в сумрачное пред-рассветное небо, ее флаер был на своем месте в строю.

Я не стал раздумывать о мужестве пилота, оставшегося в одиночку сражаться с врагами. Для тзенов подобный поступок не является таким уж выдающимся героизмом. Она просто выполнила свой долг.

Небо было совершенно пустынным. Это не удивляло, так как мы были последними. Остальные звенья уже на пути к месту встречи.

Далеко внизу горел лес. Кто-то неосторожно воспользовался горячими лучами. Пролетая над охваченным пожаром участком, я рассмотрел его внимательнее. Пылала узкая полоска леса, отделенная от основного массива рекой. Возможно, вода остановит огонь. После всех титанических усилий сохранить лес будет крайне обидно потерять его из-за небрежности какого-то одного пилота.

Мы подлетали к точке встречи и начали набирать высоту. Мы уже различали корабль, окруженный флаерами. Они ждали очереди на погрузку. Постаравшись отвлечься от тревожных мыслей, я пристроился за ними. Или мы не единственные, кто опоздал, или...

Уже подходила наша очередь. Я сделал широкую петлю вокруг корабля, давая знак своему звену перестроиться в ряд.

Все, можно начинать погрузку. Я направил машину к открытому люку, но...

Люк закрылся. На наших глазах корабль сошел с орбиты и стал стремительно удаляться.

Глава третья

Один из наиболее щекотливых моментов в разработке будущей военной кампании — это планирование потерь. В эпоху звездных войн данный аспект приобрел особое значение. Прежде всего необходимо определить число бойцов, нужных для успешного завершения операции с учетом вероятных потерь. Затем необходимо рассчитать количество кораблей, запасы топлива, воды и продовольствия, достаточное для транспортировки уцелевших Воинов обратно, в Империю. Если чересчур занижить необходимое число бойцов, можно проиграть кампанию. Если слишком завысить — потеряешь весь легион, если в космосе выйдут запасы горючего и продовольствия.

Верховное командование нашло мудрое решение проблемы: оно планировало потери заранее — и уже не отклонялось от этой цифры. Потери могли быть больше, но никогда — меньше. Ко-

мандование определяло, сколько бойцов должно возвратиться на транспорт после завершения операции, и, когда расчетное число поднималось на борт, люки просто-напросто задривались. Все, кто еще оставался снаружи, автоматически попадали в категорию запланированных потерь. Именно это и произошло с нами.

Поскольку это была наша первая операция в войне с насекомыми, Ставка, не имея реальных данных, исходила из максимальной величины запланированных потерь. Это обеспечивало успех операции. Но это также означало, что мы остались за бортом.

Нечего было рассчитывать, что нас подберет другой транспорт. Если бы на другом транспорте было место, мы получили бы приказ следовать туда. Однако такого приказа не последовало. Потому что свободного места не было. Теперь мы официально числились погибшими.

Ситуация была довольно курьезной — живой командир живых призраков. Что должен делать тзен после собственной смерти? В такой ситуации я должен был знать мнение всех пилотов звена...

— Ваши соображения!

Я полагал, что им потребуется некоторое время, чтобы собраться с мыслями, однако Кор откликнулась сразу:

— Если мы умерли, то наша задача — взять с собой в последний путь к Черным Болотам как можно больше врагов. Возможно, нам удалось уничтожить все яйца и маток во время атаки, однако на планете еще много рабочих ос, которых мы можем убивать, пока не иссякнут энергоисточники.

— Рахм, Ахк на связи. Не уверен, что мы должны так легко смириться с фактом собственной смерти. Может быть, просто прервана связь с транспортом. Предлагаю использовать оставшуюся энергию на поиск другого транспорта. В случае неудачи будем думать, что делать дальше.

— Позволю напомнить, — послышался голос Ссах, — что пока командует Рахм. И его обязанность — взять на себя бремя решения, каким бы тяжелым оно ни казалось. Нечего тратить драгоценное время на бессмысленную болтовню.

— Махз согласен с точкой зрения Ссах!

Я уже хотел ответить по поводу моего уклонения от служебного долга, как послышался невозмутимый голос Зура: